

Культура как терапия: метафизика воображения Г. Башляра

Кириленко Е.И.

Culture as a therapy: imagination metaphysics of G. Bachelard

Kirilenko Ye.I.

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

© Кириленко Е.И.

В статье представлен материал, посвященный анализу метафизики воображения Г. Башляра. Раскрываются возможности взаимообогащения медицинского и философского дискурсов, исследуется историко-культурный контекст развития медицинского мышления.

Ключевые слова: Гастон Башляр, культурология, философия, медицинское мышление.

In the article there is presented a material devoted to the analysis of imagination metaphysics of G. Bachelard. Opportunities of mutual enrichment of medical and philosophic discourses are discovered, historical and cultural context of medical thinking development is investigated.

Key words: Gaston Bachelard, the science of culture, philosophy, medical thinking.

УДК 615.851.8:37

Гастон Башляр (1884—1962) не был профессиональным врачом, он всю жизнь посвятил педагогике и науке: преподавал физику и химию в колледже, а затем, став профессором в Дижоне, а затем в Париже, обратился к философии. Самобытный мыслитель, он получил признание в сообществе европейских философов, стал почетным профессором Сорбонны. Создав особый жанр философской эссеистики, Г. Башляр получил национальную премию в области литературы.

Воодушевляясь методологией психоанализа, он создал свою знаменитую пентологию — пять работ, обращенных к исследованию природы воображения: «Психоанализ огня» (1937, рус. пер. 1993), «Вода и грезы. Опыт о воображении материи» (1941, рус. пер. 1998), «Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения» (1943, рус. пер. 1999), «Земля и грезы воли» (1947, рус. пер. 2000), «Земля и грезы о покое» (1947, рус. пер. 2001). Эти работы получили высокую оценку в научном мире: по словам соотечественника философа П. Кийе, «Башляр поднял эпистемологию на уровень теории относительности в физике, а в

учении о творческом воображении достиг сомасштабности тому поэтическому всплеску, которому открыла шлюзы энергия сюрреализма» [1]. При этом в построениях исследователя отчетливо обнаружился интерес к медицинской проблематике.

Анализ культуры как терапии у Башляра следует предварить некоторыми общими характеристиками его творчества. Его наследие распадается на две области: анализ научной рациональности и исследование сферы творческого воображения.

Классик европейской философии XX в., крупнейший французский эпистемолог Гастон Башляр начинал свою исследовательскую деятельность как философ науки. Он исходил из того, что опыт современной неклассической науки порождает и новую методологию познания — новую рациональность [6]. В сфере исследования науки Башляр — «героический рационалист»: «В этом пафосе разума — самого точного, самого абстрактного, математически ориентированного и динамического — он, безусловно, принадлежит к традиции французского рационализма и Просвеще-

ния с его культом разума и прогресса». Когда Башляр говорит о науке, тон его становится «пророческим, почти иератическим» [6]. Можно согласиться с мнением исследователя: «Башляр дорог нам своей верностью принятым идеалам, идеалам рационализма и гуманизма. Эти идеалы не абсолюты, их конечность сегодня стала более явной. Но их ценность — пусть относительная — сохраняется и должна сохраняться хотя бы для того, чтобы избежать соблазнов дешевого иррационализма и базарной мистики» [6].

Тем удивительнее оказался тот радикальный поворот в сфере научных интересов, который обозначил смещение интересов Г. Башляра в область исследования природы поэтического воображения. Представляется, что тонкий и глубокий мыслитель, обладавший абсолютным философским слухом, Башляр не мог не сознавать, что в рамках научного дискурса невозможно найти удовлетворительного понимания природы культуры и культурного творчества: «В универсуме, реальность которого гарантирована математически, человек и Бог проблематичны» (Т. Лукман). В этом смысле обращение к метафизике воображения обозначило какой-то внутренний сдвиг в сознании философа: в его работах речь идет о воображении, которое, по его словам, третируется в обычной жизни за наивность: «Ведь в интеллектуальной жизни мы не только не живем воображением, но еще и попираем его сублимации. Мы насмеемся над образами, сияющими простодушием... (Имея ввиду мир поэтических грез — Е.К.) следовало бы отвести воображению преобладающую роль в философии покоя. Иначе говоря, следовало бы «отправить на покой» мысль активную и утилитарную, мысль дескриптивную... Состояние покоя и есть *состояние грез*... — фундаментальное состояние психики» [3].

По способу организации философского дискурса Башляр — маргинал: историки философии видят в нем предтечу структурализма, исходные интенции самоопределялись Башляром как психоанализ, в анализе воображения философ во все возрастающей мере обращается к феноменологической методологии, комментаторы гово-

рят о неоромантизме, о близости Башляра фантастическому романтизму Новалиса.

В работах Г. Башляра встречается следующая метафора: представим себе 24 часа человеческой жизни. Они включают в себя день и ночь. Человек дня и человек ночи воспринимают мир по-разному. Философ дня демонстрирует напряжение рациональных способностей, философ ночи открывает в себе способность к грезе, воображению, мечте. Этот мир онирических (в пер. с греч. «ониризм» — «сновидение») видений становится предметом философской рефлексии Башляра. И тогда наступает время философского импрессионизма, пуантилизма, того удивительного способа философского созерцания, который созвучен художественному переживанию и рождает имажинативную метафизику [1].

Грезы — особый материал для философского проникновения, тончайший и невесомый, требующий уединения, отрешенности, полного погружения всего существа исследователя. Комментаторы говорят о «микродвижениях мысли», к которым обращено внимание философа. Не ясные рациональные построения и сознательные образы, а грезы, мечты, сны препарирует философ, эти тончайшие и нежнейшие впечатления нашего опыта, то, что невыразимо, неприкосновенно, не существует в реальности чувственного мира, но присутствует лишь в грезах и снах, воображение приглашает нас к путешествию, где «обволакивает изысканное ощущение странности» [2]. Анализ его тонок: есть «различие между состоянием задумчивости и размышления». Различаются состояния грезы и сновидения: «Сон разворачивается прямолинейно, по мере продвижения забывая свой путь. Воображение напоминает звезду: благодаря концентрации оно выбрасывает новые лучи» [1].

Философ не препарирует, не анализирует, не расчленяет, не умерщвляет предмет созерцания, напротив, выстраиваемый ряд впечатлений сохраняет живость, красоту, пульсирует, переливается всеми красками, вызывая ответные вибрации в нашей душе. «Созерцать воду означает течь, растворяться, умирать... Никогда тяжелой воде не стать легкой, никогда темной воде не проясниться... Грезы иногда рождаются у края чистых вод,

вод с бесчисленными отражениями... Заканчиваются они в глубине воды печальной и темной... иногда доносящей странный погребальный шепот» [2].

Важнейшая тема анализируемых текстов — мощно и однозначно проведенная мысль о единстве человека и Вселенной. Как отмечал Н. Бердяев, в предшествующее столетие мироощущение и миросозерцание приобрело яркую социальную окрашенность. «...Социология заменила теологию... Религиозное чувство потерявшего веру человечества направилось на социальность». Но человек не только обитатель «поверхностной общественности на поверхности земли», он вместе с тем и «космическое существо», «он находится в общении с миром глубины и с миром высоты» [7]. Сознание человека обладает не только социальным, но и космическим, религиозным горизонтом.

По Башляру, человек ощущает родство с космосом, с миром природных стихий, которые соприсутствуют в глубинных слоях его воображения. Обжигающий холод чистой, прозрачной воды, к которой мы прикасаемся, рождает грезу об энергии живой воды, способной вернуть молодость, энергию силы, жизнь: чистая вода навеивает грезу о возрождении. «В воду погружаются, чтобы возродиться, омолодившись... Собственно, Источник Молодости есть в каждом доме, это — тазик с холодной водой для умывания бодрящим утром... Свежая вода пробуждает и молодит лицо... Под пробудившимся челом загорается свежий взгляд. Свежая вода возвращает взгляду “пламя жизни”» [2].

Мы ощущаем таинственное родство с одиноко стоящим деревом: воображение открывает в дереве «глухой, медлительный, необоримый порыв... Покорение легкости, создание летающих предметов, воздушных и трепещущих листьев!» Дерево — «существо, которое никогда не ложится. Только человек и дерево в природе вертикальны: они образуют один тип существ. Дерево — всегдашний образец героической прямизны...» [3].

Область воображения у Башляра располагается между бодрствующим сознанием и бессознательным: его корни уходят в глубинные недра

души, но в своей жизни оно доступно разумному познанию.

В сфере воображения Башляр выделяет три измерения: *материальное, формальное и динамическое*. Динамика акцентирует момент движения, изменчивости в аспекте интенсивности изменений как самостоятельный и преобладающий импульс душевной жизни. Этот вектор доминирует в «воздушном» (а философ выделит еще «огненное», «земное» и «водное») воображении: «воздух — бедная материя». Но зато здесь бездна динамики. «Движение главенствует над субстанцией» [3]. Движение здесь императив и внутреннего опыта, и способа существования в целом: «людей воздуха» можно узнать «по потребности лететь очертя голову, куда нас влечет, нас, свободно-рожденных птиц, куда бы мы ни прилетели, вокруг нас будет всегда вольно и солнечно» [3].

Для формального измерения воображения характерно движение «в сторону форм, цвета, разнообразия и преобразования», здесь преобладают красочность и изобилие. Материальное измерение выступает глубинным, фундаментальным основанием душевной жизни. Материальность Башляр мыслит субстанциально, в духе материальной причины у Аристотеля (вопрос о материи — это вопрос о том, из чего происходит данный факт). Под слоями, оперирующими формой, открываются силы, оперирующие субстанциями: они «стремятся проникнуть вглубь бытия; в бытии они ищут одновременно и первозданное, и вечное» [2]. Материальное воображение — фундамент психической жизни: «В то время как формы и идеи отвердевают, как при склерозе, с достаточной быстротой, материальное воображение остается силой, действенной в любой момент. Лишь оно одно может непрестанно одушевлять традиционные образы; именно оно непрерывно воскрешает к жизни некоторые устаревшие мифологические формы» [2].

Модусы динамики, формы и материи задают вибрации душевной жизни. Материя обладает формообразующей активностью: «в сторону углубления она предстает бездонной, словно тайна. В сторо-

ну взлета она предстает как неисчерпаемая сила...» [2].

Содержательно материальное основание воображения определяется как опыт переживания четырех природных стихий: воды, огня, воздуха, земли; впрочем, эта четырехэлементность не носила у Башляра характера жесткой схемы: можно было бы обратиться воображением к миру растений: не существует «ботаники грез», а между тем растительный мир сочетается с миром грез, творит грезы. «Растительные грезы» — самые медлительные, самые спокойные, самые успокаивающие... Цветы, как и прочие существа, нужно сначала любить, а потом уже называть» [3]. Можно грезить промежуточные природные формы: земля и вода образуют тесто — включается в работу воображение обильной вязкости, изменчивости форм (мягкие часы Дали стекают по капле), возможности сущностных связей, «своеобразной божественной медлительности» [2]. Соединение воды и огня имеет реальные аналоги в предметном мире — спирт, горящий фосфор. Мифологически — это восход солнца из недр океана, в душевной жизни он являет себя, например, в образе «горячей влажности» — образе, способном передать страстную привязанность, горячую убежденность, глубокую зависимость [2].

Опыт переживания четырех великих природных стихий дает о себе знать в душе человека; они суть тот самый первозданный хаос, о котором писал Ф. Тютчев («О, бурь заснувших не буди — Под ними хаос шевелится!..»), та почва и судьба («И здесь кончается искусство, и дышит почва и судьба»), о которых писал Б. Пастернак. Они, как было отмечено, лежат в основе внутреннего опыта человека и определяют не только его представления, способ мировосприятия, склад характера, страсти, но и судьбу, модели поведения (на основании этих принципов можно дать представление «о четырех типах походки и манере держать себя»), здоровье, бодрость и отвагу [2]: «...Мы убеждены в существовании некой связи между учением о четырех физических элементах и о четырех темпераментах. Во всяком случае, души мечтателей, чья фантазия отмечена знаком огня, воздуха, во-

ды или земли, оказываются весьма непохожими» [1].

Не напрасно отмечают романтические тенденции, присущие построениям философа [10]. Башляр многократно говорит о жизни души, акцентируя момент целостности внутреннего опыта и его изоморфности космической реальности.

Выявленное субстанциальное основание жизни воображения Башляр дифференцирует, задавая соответствующую типологию личности. Подобный способ выделения типов личности на основе типа природной стихии был известен в культуре древнего Востока, где он обосновывался астрологически, а также в античной медицине, где он получил физиологическое обоснование в учении о четырех соках. Г. Башляр, опираясь на психоаналитические идеи Юнга, возвращается к этим построениям, и здесь глубина и содержательность его интуиции проявляются во всем блеске.

Люди воды — это меланхолия, тяжесть, сонливость и печаль, это чистота, серьезность и задумчивость, а вместе с тем особая легкость. «Вода — хозяйка текучего языка» [2]. **Огонь** — это стремительность, избыток жизни, источник перемен, огонь дает урок глубины, это жертвенность и страстность, огненная природа — источник сильных страстей. **Земля** — это воля к разглядыванию прекрасных твердых тел — дырчатых, ноздреватых, гладких, рассыпчатых, это воля к сопротивлению, которая формирует сильные и благородные души, это жизнеутверждающее мироощущение как знак светлой победы над миром. **Воздух**, опыт переживания высоты — это самая глубокая, сущностная, сильная и простая реальность, открывающаяся нам в опыте внутренней жизни. Все несет нас к высотам, облакам, свету, ибо «летающий космос проявляется в глубинах нашего существа» [3]. Принцип воздушной материи — реальная вертикальность: «...Самая большая — физическая и моральная — ответственность человека — это ответственность за свою вертикальность» [3]. Воздух — это инстинктивный поиск высоты, это особая оптика: смотря на мост, человек видит не тяжелые опоры, а подвешенные в воздухе пролеты, само головокружение [3]. Воздух — это особая эстетика: цвет поле-

та — голубой или черный, здесь не может быть пестроты, «сложные цвета мелькают» [3]. В познании для людей воздуха характерно стремление к целостности: если для земного сознания абстрактные образы — это рассыпавшаяся твердь, утраченная почва, пустота, то для воздушного сознания все, взмывающее вверх, обретает единство.

В предложенной типологии различия касаются физической и нравственной конституции, типа поведенческих интенций, динамических усилий, импульса личностного развития, стиля жизни и типа судьбы. Философ говорит о четырех типах гнева и радости, о четырех взглядах в небо и четырех типах поэтического воображения, о разных типах переживания Вселенной и ощущения бесконечности.

Элементы, из которых состоят антропологические построения Г. Башляра, узнаваемы в историко-философской ретроспективе. Но созданная им конструкция дышит свежестью. Представляется, что это тот случай, когда исполнение богаче первоначального замысла, воплощение интереснее исходных построений, реальное феноменальное богатство материала содержательнее первоначальной теоретической схемы, образ здесь опережает мысль, интуиция — строгость рациональной конструкции.

Построения Башляра образуются из переплетения идей Эмпедокла, суждений Гиппократов и Галена, а также юнгианского варианта психоанализа. При этом философ стремится преодолеть натурализм мысли древних: при исследовании жизни воображения следует учитывать, что «нельзя понимать стихии вещественно: «Мы говорим не о материи, но о направленности, не о субстанциальных корнях, но о склонностях, о том, что нас воодушевляет. А психические склонности определяются первичными образами, картинками и впечатлениями, внушившими внезапный интерес к тому, что само по себе его лишено — *интерес к объекту*» [1].

Учение Эмпедокла о четырех стихиях было интегрировано в антропологию гиппократовской медицины. У Башляра рецепция идей Эмпедокла осуществляется в логике психоанализа, его юнгианской версии: опыт переживания стихий обра-

зует глубинный фундамент психики, архетипичен, образует исходное ядро душевной жизни. У Башляра, как и у Юнга, «интерес... к бессознательному был интересом восхищенного романтика». Башляр пытался уравновесить позиции Фрейда, который не доверял бессознательному, и Юнга, исходившего из противоположной установки [11].

Любопытно, что отношения с классическим психоанализом у философа были достаточно напряженными. Башляр видел себя оппонентом Фрейда уже в работе 1937 г. — он сочувственно цитирует М. Шелера, отмечающего крайности теории сублимации, противопоставляет «постоянной сублимации» классического психоанализа «диалектическую сублимацию», для которой «подавление является деятельностью нормальной, полезной, более того — доставляющей радость» [1]. Используя психоаналитический понятийный инструментарий (сублимация, архетип, трансфер), философ постоянно выходит за рамки этой методологии, преодолевает ее, вводит дополнительные понятия: «асцензиональная (в пер. с франц. «ascensionnel» — «относящийся к вознесению или восхождению» — Е.К.) психология... более пригодна для изучения непрерывности грез и сновидений, нежели психоанализ» [3]. Юнгианец, «основной проводник юнгианских идей во Франции» [5], он позднее, однако, вообще отказывался признать свою идейную связь с этой методологией, заявляя, что «не принадлежит к прихожанам этой церкви, сводящей все к прошлому» [6]. В дальнейшей эволюции взглядов философа усиливаются феноменологические мотивы: он разрабатывает онтологию воображения, феноменологию образа, говорит о необходимости отказаться от объективистских привычек рационализирующего сознания.

Тема терапевтических возможностей культуры осмысливается Башляром многопланово. Культура несет радость, и уже этим задан общий оздоравливающий эффект приобщения к культуре. Время жизни философа — век сложный, трагический, он исполнен скепсиса, палитра культурных достижений его весьма контрастна. Наследие же Башляра поражает своей светоносностью, жизненной энергией, чувством радости, верой в ценности культуры и красоту человека. Оно

само по себе способно оказать оздоравливающее и жизнеутверждающее воздействие на читателя.

В развернувшейся полемике о судьбах культуры (Шпенглер, Фрейд, Сартр) Башляр без колебаний занял позицию ее активного защитника, существенно корректируя позицию классического психоанализа.

Культура не есть то, что порождает неврозы. Не свободное развертывание энергии бессознательного, а осознание и овладение ею — культурная задача, призвание человека: «Культура несет радость, которая есть по сути *радость сопротивления*. Правильное подавление динамично и полезно именно потому, что оно радостно...» [1].

Культура осмысливается в перспективе соотношения ее с природой. Культура — неприродное бытие, хотя в своих глубинных основаниях определяется активностью природных импульсов (общая установка для психоанализа). Культура возникает как прививка человеческому существованию. Здесь, в сфере культуры, разворачивается жизнь воображения, хотя само воображение имеет природные истоки. «...Человечество воображающее есть обратная сторона природы порождающей» [2].

Путь человека в культуре — путь обретения власти над внешними, в том числе природными условиями жизни. «Человек является человеком в той степени, в какой он является сверхчеловеком... в *преодолении условий человеческого существования*» [2]. Философ апеллирует к целостному человеку, наделенному волей и призванному к активному действию, обладающему разумом, нравственностью, эстетическими интуициями. Соответственно корректируется медицинская практика психоанализа: «Подлинно анагогическое (в пер. с греч. — «раскрытие внутреннего смысла». У Башляра этот термин означает лечение, предполагающее выявление скрытой первопричины. — Е.К.) лечение заключается не в высвобождении подавленных стремлений, а в том, чтобы бессознательное подавление сменилось осознанным при поддержке неугасающей воли к оздоровлению» [1].

Особо следует прислушаться к опыту воздушной жизни. Воздушная стихия — это мир облаков, ветра, созвездий, туманов, неба. Из всех метафор метафоры высоты «заводят нас больше, нежели метафоры визуальные» [3]. Воздух — это вертикаль, это инстинктивный поиск высоты. Но и духовная жизнь — это тоже вознесение вверх, это стремление «к росту и возвышению». Образы «воздушных поэтов» — Шелли, Данте — совершают «операции возвышения», это «операции человеческого духа в той мере, в какой они даруют нам легкость, поднимают, возвышают нас...» [3].

Ссылаясь на труды своего современника психотерапевта Дезуайля, Башляр подчеркивал, что переживание восхождения, вознесения способно оказывать исцеляющее воздействие. Это опыт терапии психической и нравственной: она способна прекратить беспорядочное душевное волнение, порождающее невроз, а также преобразовать «онирическую энергию в моральную». Опыт переживания восхождения в горы, как его имитировал в психотерапевтической практике Дезуайль, открывающий красоту горных и небесных пейзажей, равно как и более сложный опыт духовного восхождения в мире культуры способен сформировать «привычку к ониризму вознесения» [3]. Тогда в нас самих, в нашей сущности рождается «этот воображаемый свет», «накапливаются метафоры, обозначающие духовные реальности», формируется «физика просветленности... Возвышение души идет рука об руку с ее просветлением» [3]. Опыт вознесения — это то, что способно вылечить душевную травму, поможет преодолеть боль, сохранить достоинство и вертикальность. Опыт переживания красоты мира лечит, а значит, культура — это терапия.

Анализ природы воображения у Башляра также содержит импликации медицинского, гигиенического свойства. Философ усматривает в качестве важнейшего условия сбалансированного, здорового, органичного существования в культуре осознание той доминанты в сфере воображения, которая предопределяет весь строй жизни личности. Восхождение к свободно проявляющимся грезам души дает необходимую гимнастику души, «гимнастику нервных центров», подго-

тавливая ее к жизни свободной, раскрепощенной, естественной, творческой [2]. Способность вслушаться в свой внутренний опыт и пережить сопричастность стихиям космической жизни оказывает тонизирующее воздействие. Помимо того, что «человек, искренне переживающий свои образы и слова», получает «ни с чем не сопоставимое онтологическое преимущество», свободная жизнь грез, живые образы «возрождают» душу и сердце, они тонизируют нашу жизнь с физической стороны. Потому необходимо «вернуть человека стихийным и глубинным силам» [3].

Этот опыт душевной терапии используется при гипнопии. «Сновидение, выпрямляющее, динамизирующее нашу прямизну, натягивающее лук нашего тела от пяток к затылку, избавляющее нас от нашего веса, дающее нам первое и единственное переживание воздушной стихии, — насколько же такое сновидение должно быть целебным, ободряющим, чудесным и волнующим!.. Чтобы как следует заснуть, необходимо отыскать основную стихию нашего бессознательного... Нам необходимо спать в собственной стихии. Хороший сон наступает от укачивания или от ощущения несомости, и воображению прекрасно известно, что несет нас и укачивает что-то, а не кто-то. Во сне мы становимся бытием единого Космоса; нас укачивает вода, нас уносят сами небеса, уносит воздух... Настоящая гипнопия должна помочь нам экстериоризовать могущество онирического полета» [3].

Значение «медицины воображения» обнаруживается в ретроспективе историко-медицинского знания. Опыт существования субстанциальной медицины, опирающейся на гуморальную теорию древних, сохранял значение вплоть до начала XIX в. «...Не стоит чересчур удивляться гигантскому количеству медицинских трудов, посвященных в XVIII в. водам минеральным и термальным. Наше столетие далеко не так словоохотливо. Нетрудно понять, что упомянутые донаучные труды подлежат ведению скорее психологии, чем химии. В водной субстанции они запечатлевают психологию больного и врача» [2].

В культурном сознании — и этот опыт архетипичен — «чистая вода наделяется такой высокой символической ценностью, что, похоже, ничто не

в силах извратить ее. Она представляет субстанцию блага» [2]. Вода чиста. Она источник жизни и обновления. «С комплексом Источника Молодости... связана надежда на исцеление» [2]. В традиционном сознании символизм воды способен вытеснить за пределы сознания ее физические свойства: у многих представителей традиционной культуры омовение не имеет отношения к заботе о чистоте. Омовение предпринимается тогда, когда загрязняется душа (персы промывают глаза после лицемерия неверного, в славянской культуре было принято совершить омовение после прикосновения к покойнику). В народной медицине «вода есть природное наше лекарство», постоянно подчеркивается значение чистого свежего воздуха для сохранения здоровья [11]. В европейской, новоевропейской культуре вода воспринимается как «универсальный физиологический регулятор». Тиссо, ученик Руссо, в символизме воды объединяет тему морали и медицины: «Природа указала всем народам воду в качестве единственного питья; она придала ей силу растворять пищу любого рода; ее приятно пить и во дворце; итак, выбирайте всегда воду хорошую, прохладную, пресную и легкую; она укрепляет и промывает внутренности; греки и римляне считали ее лекарством от всех болезней» [12].

Столь же значительна и роль тепла для жизни тела в архаическом сознании. В традиционной культуре наряду с внешним огнем, который разрушает и уничтожает, существовало представление о внутреннем огне, который порождает и способствует созреванию. Огонь есть жизнь, утверждал Парацельс. Накапливается он в минералах, в то время как животные и растения расходуют огонь. В травах «благословенный огонь» присутствует в качестве искры, Гален использовал их в качестве салатов. Интуиция скрытых сил огня обнаруживает себя в чувстве «ободряющего тепла после еды», в «живительной силе жгучего глотка доброго спиртного». Тепло в желудке воспринимается как признак здоровья или болезни. Симптомы легкого недомогания — жжение, воспаление, сухость, изжога. В основе объяснения здоровья или нездоровья — принцип витального тепла. Теория *несварения желудка* основывается на том, что там тепло, огонь [1].

Власть архаических переживаний природных субстанций, символизм природных стихий, закрепленных в культурной традиции, «лекарства символического действия» [12] продолжают воздействовать, полагает Башляр, на опыт современного человека, что может усиливать эффективность рациональных расчетов современной науки. «Нас исцеляют такие материальные образы, нежные и горячие, теплые и влажные. Они относятся к воображаемой медицине, к медицине, настолько онирически истинной, настолько выразительной в грезах, что она продолжает оказывать существенное влияние на нашу подсознательную жизнь» [2]. Она не есть только некая архаика культурного опыта, которую вытесняет научная медицина. Потенциал ее успешно может быть использован в практической медицине прежде всего специалистами, работающими с психикой человека.

В качестве примера исследователь приводит следующее рассуждение. Человек — существо активное. Если признать за человеком потребность «атаковать» вещи наступательным трудом, «станет ясно, что победам над четырьмя материальными стихиями свойственна какая-то особенная целебность, живительность, способность к возрождению. Эти победы определяют четыре типа здоровья и четыре типа бодрости и отваги, на основании которых можно создать классификацию разных типов походки и манеры держать себя; ведь эти характеристики, быть может, существеннее, нежели те, что принимаются во внимание теорией четырех темпераментов... Четыре стихии определяют — и динамически в большей степени, нежели материально, — четыре типа терапевтического лечения» [2]. Различны четыре типа поведенческих и здоровых на основе различных типов покорения мира. «Идти против ветра» целительно для людей воздушной психики. Плывая против течения, пловец покоряет стихию воды, достигая оздоравливающего эффекта вдвойне существенного для носителя гидрирующей психики: «Холодная вода — когда над ней одерживаешь отважную победу — дает ощущение разгоряченного кровообращения. От него происходит впечатление особенной свежести,

свежести бодрящей». Здоровая усталость пловца соединяется с исцелением нравственным [2].

Любопытно рассуждение Башляра о двух типах пристрастия к алкоголю с учетом влияния соответствующей онирической стихии. Эдгар По и Гофман близки, но «обнаруживают в конечном счете страшное несходство. И того, и другого в их сверхчеловеческой, нечеловеческой работе — работе гениев — основательно подкреплял все-таки сильный алкоголь», но он разного свойства. «Гофмановский алкоголь пламенеет; он отмечен чисто качественным, чисто мужским знаком огня. Алкоголь Эдгара По топит, приносит забвение и смерть; он отмечен чисто количественным, женским знаком воды» [1].

Идеи Башляра о конституирующей роли воображения во внутреннем опыте личности, соответственно, представление о «доле бессознательного в научном разуме» [1] можно сопоставить с построениями двух других мыслителей, размышлявших о природе медицины и подступавших к одному предмету с разных сторон. Речь идет о «медицинских» идеях М. Фуко и М. Элиаде. Для Башляра власть культурных архетипов заявляет о себе в пространстве культурного опыта, опыт переживания важнейших природных стихий сохраняется в культурном и индивидуальном сознании и должен учитываться в практике лечения. По мнению Фуко, не только позитивное новое знание входит в поле медицины, существенную роль сохраняют здесь ошибки и заблуждения. «Медицина, как и любая другая дисциплина, составлена не только из истин, но и из ошибок, причем ошибок, которые не являются какими-то остаточными явлениями или инородными телами, но обладают некоторыми позитивными функциями, некоторой исторической эффективностью, некоторой ролью, зачастую трудно отделимой от роли истин» [12]. Вряд ли кто-то сегодня будет объяснять патологические процессы с позиций субстанциальной медицины, однако в практике лечения, прежде всего в традиции народной медицины, целительная роль четырех стихий не ставится под сомнение: чистая вода, свежий воздух сохраняют значение важных гигиенических, целительных факторов. По мнению М. Элиаде, в культурном опыте сохраняют власть

мифологические представления, которые, будучи вытеснены современным образом жизни и строем сознания, тем не менее воспроизводятся в опыте современного человека, в том числе и в медицине. «Некоторые вполне современные методы, такие как психоанализ, сохраняют еще посвятельную канву», воспроизводят элементы обряда посвящения [14].

По-видимому, следует признать: медицинское знание — знание особого рода. Это более широкая область, чем сфера науки. Современная медицина — рациональный мир, созданный для разумно мыслящих людей. Но исторически этот мир создавался людьми, следы этого конституирования дают о себе знать и в медицинской практике и в теории. Этот опыт закреп-

лен в культурном контексте, он обнаруживает себя в бессознательных структурах сознания, пребывающих в «слепом пятне» научного медицинского дискурса.

Литература

1. *Башляр Г.* Психоанализ огня. М.: Прогресс, 1993. 176 с.
2. *Башляр Г.* Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 268 с.
3. *Башляр Г.* Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 344 с.
4. *Башляр Г.* Земля и грезы воли. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. 384 с.
5. *Башляр Г.* Земля и грезы о покое. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2001. 320 с.
6. *Башляр Г.* О природе рационализма // Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
7. *Бердяев Н.* Космическое и социологическое мироощущение // Бердяев Н. Судьба России. М.: ФО СССР, 1990. 240 с.
8. *Визгин В.П.* Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М.: ИФ РАН, 1996. 263 с.
9. *Полный* протонародный русский лечебник доктора изящных наук, философии и медицины Ф. Лоевского. Л.: Библиотека «Звезды»; ИИК «Северо-Запад», 1991. 224 с.
10. *Филиппов Л.И.* Проблема воображения в работах Гастона Башляра // Вопросы философии. 1972. < 3. С. 156—164.
11. *Фромм Э.* Фрейд. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
12. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 573 с.
13. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
14. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 144 с.

Поступила в редакцию 22.10.2003 г.